

Православное обозрение

1862. Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1862. Том 7 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
738 с.

ISBN 978-5-458-03039-7

ISBN 978-5-458-03039-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не возмущаются противъ внѣшняго распорядка власти, во крѣпко стоять въ неприступной твердыни своей совѣсти и за ея право жертвуютъ всѣми другими правами. Ненарушимости религіознаго чувства они припесли совершеннѣйшую жертву: свою кровію, пролитою безъ борьбы противъ власти, безъ сопротивленія ей силою, они обозначили границы, гдѣ кончаются права внѣшней силы, и гдѣ начинаются права совѣсти. Повторю, къмъ, чѣмъ вдохновились они къ этому? Условъ былъ рѣшительный: притупились мечи гонителей... Развѣ неизвестно это?

Далѣе—развѣ вы не знаете, что въ продолженіе четырехъ вѣковъ Евангеліе подвергалось нападеніямъ ученыхъ и философовъ? Слѣдовательно нѣльзя сказать, чтобъ оно утверждалось вдали отъ умственной борьбы.

Но мы знаемъ, скажете вы, что потомъ сами христіане, ученики Евангелія нерѣдко вооружались и нетерпимостію и даже преслѣдованіями! Выговаривайте все: «сами ученики Евангелія въ разное время, въ разныхъ обстоятельствахъ дѣйствовали вопреки духу Евангелія!». Что же? Евангеліе пало? Нѣтъ: оно торжествовало и торжествуетъ, какъ надъ его прямыми противниками и гонителями, такъ и надъ слабыми, надъ заблужденіями, надъ лицемеріемъ, и даже надъ предательствомъ именующихся его учениками. Здѣсь по преимуществу видна божественная, неистощимая, несокрушимая сила Евангелія!

Будемъ говорить ближе къ понятіямъ и интересамъ, въ которыхъ стоять люди современности. Развѣ не известны кому побѣды христіанской образованности?—Какъ я желалъ бы, чтобъ искренность, хотя искренность невѣжества, все-таки искренность водила устами тѣхъ, которые сѣются надъ высокими словами Спасителя: *вы соль земли; аще соль обуметь,*

члмъ осолитсѣ?... Надъ чѣмъ здѣсь смѣются? Надъ тѣмъ, что начало возстановляющее, просвѣщающее человѣчество,—если угодно начало цивилизующее ни повредиться, ни уничтожиться не можетъ; что—смерть, совершенное ничтожество угрожали бы міру, еслибъ исчезло изъ него это начало. Что же? Смѣшно это, достойно смѣха?!..—Это просвѣщающее начало есть Евангеліе мира на землѣ, любви среди человѣковъ, спасенія всему человѣчеству отъ рабства и отъ всѣхъ золъ, послѣдствій грѣха, въ которыхъ задыхаются человѣческія общества!.. Или кто думаетъ, что напрасно приписывается это высокое начало Евангелію Христа. *Принди и смѣждь*. Вы признаете исторію, признаете смыслъ ея. Смотрите: «христіанскіе народы имѣютъ видимое превосходство надъ всѣми другими народами; часто они злоупотребляютъ этимъ превосходствомъ и нерѣдко злоупотребляютъ страшнымъ образомъ; по самое это превосходство—кто можетъ не знать его? Восточная ли торговля грозитъ поглотить торговлю европейскую? Китайскіе ли арміи грозятъ христіанскимъ государствамъ? Изъ поднебесной ли имперіи идетъ къ намъ просвѣщеніе? Буддисты ли и Браминны посылаютъ къ намъ свои миссіи? Насъ что ли открываютъ и изучаютъ другіе народы? Не мы ли напротивъ даже помогаемъ ихъ собственному самосознанію?» Откуда это превосходство?—Не превосходство ли это европейскаго племени, его особой энергіи, благородства, жизненности? Знаю этотъ вопросъ и знаю отвѣтъ: «новые свѣжіе племена нѣкогда вторглись въ Европу и стали вождями цивилизаціи человѣчества; но приди эти племена, христіанство не помогло бы міру». Ради Бога, не то ли это значить: не будь людей въ мірѣ, христіанство не помогло бы міру? Не только не помогло, но и не было бы нужно. Развѣ Евангеліе дѣйствуетъ не въ средѣ людей и

не людьми? Нужны были свѣжіе народы, свѣжіе мѣхи для новаго вина, нужны были свѣжіе умы и сердца, не испорченные тою ложью рабства, которая довела древній міръ до неизбежнаго разрушенія и уничтоженія: но какъ вы думаете, что еслибъ тѣ новые народы встрѣтили въ Европѣ не религію мира и любви, а фетишизмъ язычества, или фатализмъ и фаватизмъ ислама,—далеко они увели бы человѣчество на пути усовершенствованія?... Да, для Евангелія, для этой новой вѣсти міру нужны новые народы, какъ новые мѣхи для новаго вина: но ктожъ не знаетъ, что возбуждаетъ, оживляетъ, укрѣпляетъ не мѣхи, а само вино?—Нужны для Евангелія новые народы; и не потому ли было сказано нѣкогда народу іудейскому, изжившему себя, какъ народъ: *отыметса отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку иному, который принесетъ плоды въ свое время.*

Братья христіане! Теперь, между другими, и мы составляемъ тотъ *новый народъ*, которому дано *царствіе Божіе*. Принесемъ ли мы плоды въ свое время, велики ли, каковы будутъ эти плоды для насъ и человѣчества?—все зависить отъ того, какъ мы будемъ относиться къ *Евангелію*, къ этой новой и послѣдней вполне спасительной вѣсти людямъ *отъ Бога*,—послѣдней, ибо и самые противники Евангелія, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, какъ бы невольно признають и провозглашаютъ, что послѣ такой религіи, какъ Христова, нѣтъ мѣста другой.

Братья! Не дай намъ Богъ, дойдти до положенія народа, которому было сказано: *отыметса отъ васъ царствіе Божіе.*

О ВЪ УСЛОВІЯХЪ УСПѢХА ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ ВЪ НАРОДѢ.

Съ нѣкотораго времени въ обществѣ и литературѣ начали высказываться жалобы на слабое развитіе проповѣднической дѣятельности нашихъ сельскихъ пастырей и неудовлетворительное состояніе нашей церковной проповѣди вообще, вліяніе которой становится особенно необходимымъ въ настоящее время, когда, вслѣдствіе повсюдныхъ преобразованій, въ простомъ народѣ и во всѣхъ сословіяхъ устанавливаются новыя отношенія и обязанности, возникаютъ новыя идеи, потребности и стремленія, требующія уясненія и направленія. Эти справедливыя жалобы, указывая на необходимость церковной проповѣди, естественно вызываютъ вѣсть съ тѣмъ и потребность объяснить причины ея упадка и указать возможныя, болѣе или менѣе вѣрныя средства къ ея возвышенію.

Возвышеніе или упадокъ какого бы то ни было рода дѣятельности ученой, литературной художественной, весьма тѣсно связаны съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ дается въ жизни, а вѣсть съ тѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ положеніемъ

въ обществѣ, какое занимаютъ сами дѣятели науки, искусства и литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что и возвышенія такъ сильно упавшей проповѣднической дѣятельности надобно будетъ ожидать отъ возвышенія значенія религіи, какъ основной силы въ народной жизни,—отъ болѣе глубокаго сознанія необходимости религіозно-нравственнаго образованія для людей всякаго званія и состоянія, и отъ улучшенія матеріальнаго быта и нравственнаго положенія въ обществѣ самихъ пастырей — проповѣдниковъ, при которомъ они, съ одной стороны: не имѣя нужды постоянно заботиться о *собираніи средствъ* для своей жизни, — находили бы болѣе свободнаго времени для проповѣдыванія Слова Божія, а съ другой: сознавая свое значеніе и относительно независимое положеніе,—могли бы проповѣдывать его свободно и твердо, безбоязненно возвышая, гдѣ нужно, свой пастырскій голосъ. Но всего тѣснѣе, разумѣется, судьба проповѣди связана съ воспитаніемъ и образованіемъ нашихъ пастырей-проповѣдниковъ, котораго она самый прямой и естественный плодъ. И потому въ образованіи духовенства прежде всего надобно искать и причинъ неудовлетворительнаго состоянія нашего проповѣдничества, и отъ измѣненія и улучшенія его ожидать и болѣе успешныхъ проповѣди.

Въ настоящее время всѣ сознаютъ, что образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ воспитываются пастыри-проповѣдники, слишкомъ отвлеченно и далеко расходится съ потребностями жизни. Къ большому несчастію, между такими отвлеченнымъ образованіемъ и пастырскою должностію, между семинаріей и церковной кафедрой, нѣтъ никакого посредствующаго переходнаго пункта; со школьной скамейки воспитанникъ прямо дѣлается народнымъ учителемъ на церковной кафедрѣ. Мудрено ли, что, проучившись около 12

лѣтъ и видѣвши жизнь людей только сквозь окно своей школы, онъ сначала и не понимаетъ всего различія между школою и жизнью, и является на церковной кафедрѣ почти тѣмъ же школьникомъ, безъ большого разбора переносить сюда все, чему онъ тамъ научился; не принимая во вниманіе, что не все, что считается важнымъ и необходимымъ въ школѣ, такъ же важно и необходимо и для жизни людей. Какъ при этомъ чувствуется нужда въ какомъ-нибудь переходномъ мѣстѣ, въ какомъ-нибудь практическомъ приготовительномъ курсѣ, гдѣ бы воспитанники семинаріи могли ближе, въ виду самой жизни, знакомиться съ обязанностями пастыря и проповѣдника и практически учиться учить народъ! Переходъ отъ воспитанника университета къ должности наставника въ гимназій далеко не такой рѣзкій, какъ воспитанника семинаріи къ должности пастыря-проповѣдника, народнаго наставника; а между тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, для практическаго приготовленія воспитанниковъ къ должностямъ наставниковъ, признало нужнымъ открыть особые такъ называемые педагогическіе курсы. Впрочемъ и духовное правительство сознавало необходимость приготовительныхъ курсовъ. Въ постановленіяхъ о преобразованіи семинарій въ 1840 г. между прочимъ предположено было (§ 4): «учредить въ семинаріяхъ приготовительный классъ для кандидатовъ священства съ тою именно цѣлію, чтобы окончившимъ курсъ воспитанникамъ дать способъ, сколько возможно, ближе ознакомиться съ существенными обязанностями приходскаго священника, подъ руководствомъ просвѣщеннаго и опытнаго наставника и подъ ближайшимъ надзоромъ епархіальнаго архіерея». Но предположеніе это не вездѣ было приведено въ исполненіе да и осуществленіе его не могло дать практическаго образованія, необходимаго

будущему пастырю: потому что дѣло ограничивалось повтореніемъ тѣхъ же семинарскихъ уроковъ пастырскаго богословія и гомилетики. Эти науки, какъ онѣ преподаются въ семинаріяхъ, не смотря на ихъ практическую цѣль,—составлены на общихъ, далекихъ отъ жизни, началахъ. Большая часть гомилетики еще нынѣ состоитъ изъ правилъ объ изобрѣтеніи темы или выведеніи темы изъ текстовъ для проповѣди,—изъ изслѣдованій о разныхъ свойствахъ и формахъ разныхъ частей ея вступленія, предложенія, изслѣдованія, приложенія и заключенія, и наконецъ—изъ правилъ о произношеніи проповѣди, о голосѣ и тѣлодвиженіяхъ проповѣдника. Такой составъ гомилетики ясно указываетъ на тѣсное родство ея съ древнею римскою теоріей ораторскаго красворчія; а самую проповѣдь, по формѣ, представляетъ копіей съ древней классической ораторской рѣчи. Пастырское богословіе также на половину состоитъ изъ разсужденій о важности и особенностяхъ пастырскаго служенія, объ обязанностяхъ пастыря въ отношеніи къ самому себѣ, о добродѣтеляхъ, ему особенно приличныхъ, и грѣхахъ, ему особенно несвойственныхъ. Въ той и другой наукѣ содержится много повтореній изъ другихъ частей богословской науки. Поэтому объ эти науки и считаются въ семинаріяхъ предметами второстепенными, и на нихъ одинаково мало обращаютъ вниманія какъ воспитанники, такъ и наставники. Всего осазательнѣе, разумѣется, недостаточность этихъ наукъ доказываютъ проповѣди особенно молодыхъ пастырей, на которыхъ вполне отражаются недостатки и всего семинарскаго образованія, которое сообщаетъ воспитанникамъ познанія разнообразныя, но не научаетъ какъ воспользоваться ими во время пастырскаго служенія, и приложить ихъ къ жизни и потребностямъ народа. Выборъ предметовъ въ проповѣдяхъ, взглядъ на нихъ, способъ ихъ раскрытія, са-

мый языкъ:—все показываетъ, что они составляютъ подь преобладающимъ вліяніемъ школы, безъ соображенія съ состояніемъ и потребностями жизни.

Между тѣмъ, если проповѣдь назначается для жизни: то жизнь и должна быть на первомъ планѣ и постоянно предъ глазами проповѣдника, т.-е.—жизнь научасмыхъ. Проповѣдникъ долженъ прежде всего основательно изучить ихъ религіозное и нравственное состояніе, узнать что они знаютъ и чего не знаютъ, какія у нихъ особенныя нужды, какіе пороки и слабости, и, сообразно съ этимъ, выбирать предметы для своихъ поученій и раскрывать ихъ приспособительно къ ихъ понятіямъ. Проповѣдникъ не просто долженъ преподавать евангельское ученіе, какъ профессоръ съ кафедры прочитываетъ курсъ догматики или практики, не заботясь много о послѣдствіяхъ; но долженъ провести это ученіе въ жизнь людей, и слѣдовательно—показать, какъ оно должно выразиться въ ихъ жизни. Спаситель сравниваетъ проповѣдника слова Божія съ сѣятелемъ, сѣющимъ сѣмена; но сѣтатель не бросаетъ своихъ сѣменъ на вѣтеръ, а старается о томъ, чтобы они упали на почву, которую онъ для того предварительно расчищаетъ, освобождая ее отъ всего, что можетъ заглушить сѣмена. И сѣтатель евангельскаго ученія долженъ изучать и расчищать почву жизни, если не хочетъ, чтобы это ученіе оставалось безплоднымъ. Не сомнѣвается, что склонность къ пороку лежитъ въ испорченной волѣ чловѣка; но въ тоже время думаемъ, что чловѣку не такъ трудно было бы исправляться отъ многихъ пороковъ, если бы они не имѣли для себя глубокаго корня въ разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ самой жизни, которыхъ и дѣлаютъ ихъ для чловѣка какъ бы неизбѣжными (на обыкновенномъ, житейскомъ языкѣ подобныя пороки и называются зломъ неизбѣжнымъ).

Значить, чтобы уничтожить какой-нибудь порокъ изъ жизни человѣка, или цѣлаго общества, народа нужно внимательно разобрать, отъ чего онъ произошелъ и чѣмъ особенно поддерживается, и указать противодѣйствующія ему, равносильныя его вліянію въ жизни, средства; а безъ этого проповѣдникъ напрасно будетъ разсуждать о порокахъ и убѣждать слушателей удалаться отъ нихъ: слушатели и безъ него знаютъ, что это пороки и что отъ нихъ надобно удалаться; они хотятъ, чтобы научили ихъ, какъ можно спастись отъ того или другаго порока посреди той жизни, тѣхъ обстоятельствъ, которыя ихъ приводятъ къ этому пороку, и въ которыхъ они находятъ для себя оправданіе въ немъ, хотя и сознаютъ его гибельность. У большинства проповѣдниковъ вошло въ обычай дѣйствовать силою своею слова на волю слушателей, и *въ сердце ихъ насаждаютъ семена добродѣтели*, но въ то же время нисколько не касаться той среды, въ которой живутъ слушатели и гдѣ такъ много разныхъ препятствій, могущихъ сокрушить самую добрую волю и сердце. Напрасно они будутъ изображать въ своихъ проповѣдяхъ идеалы истинной вѣры и жизни христіанской, если не будутъ въ то же время уничтожать тѣхъ суевѣрій, предрасудковъ, пороковъ, тѣхъ ложныхъ идеаловъ, которыхъ такъ много въ жизни; эти ложные идеалы всегда будутъ закрывать собою его истинные идеалы и никогда не дадутъ имъ укорениться въ жизни, если сами не будутъ уничтожены. Само собою разумѣется, что это дѣло чрезвычайно трудное, требующее отъ проповѣдника неусыпной дѣятельности, — напряженія всѣхъ силъ душевныхъ и могущее по временамъ ставить его въ тяжелую борьбу съ жизнью. И можетъ быть, опасаясь этихъ трудностей, проповѣдники и предпочитаютъ лучше учить людей вѣрѣ и добродѣтели, независимо отъ существующаго хода жизни

дѣйствительной, совѣтуя только удаляться отъ этой жизни, отъ этого міра *иръзованаю*, въ которомъ можно поглядѣть какъ въ тинистомъ болотѣ. Только при этомъ они не указываютъ, куда должно удалиться отъ этой жизни, забывая, что нельзя же всѣмъ и каждому уйти въ пустыню, — что всѣ привязаны къ этой жизни, какъ бы ни была она худа, — болѣе или менѣе крѣпкими узами. Намъ кажется, что задачей проповѣдника должно быть — не удалять людей отъ дѣйствительной жизни, а стараться, сколько возможно, исправлять и преобразовывать ее такъ, чтобы въ ней каждому можно было жить по-христіански. Что за бѣда, если многіе слои этой жизни дѣйствительно походятъ на болото, въ которомъ нельзя не увязнуть, или не замараться? Можетъ быть неусыпными трудами и благоразумною дѣятельностію пастырей-проповѣдниковъ можно будетъ превратить ихъ въ плодосную почву для истинной вѣры и добродѣтели. — Конечно и общія отвлеченныя отъ жизни поученія не остаются безплодными: онѣ сообщаютъ познаніе вѣры и благочестія христіанскаго; только это познаніе является такимъ же сухимъ и отвлеченнымъ, какъ онѣ сами. Оно рѣдко переходитъ въ животворную силу, которая, проникнувъ все существо челоуѣка, выразилась бы дѣлами жизни; большею же частію оно остается безплоднымъ и только усиливаетъ тотъ столь обыкновенный разладъ между вѣрою и жизнью, вслѣдствіе котораго вѣра и знаніе существуютъ сами по себѣ, а жизнь, въ свою очередь, идетъ также сама по себѣ. Въ самомъ дѣлѣ этотъ разладъ слишкомъ рѣзко обнаруживается въ жизни, и не виноваты ли въ немъ, между прочимъ, и наши общія отвлеченныя поученія и проповѣди?

† Такимъ образомъ у проповѣдника постоянно должна быть предъ глазами жизнь поучаемыхъ; я религіозными и нравственными ихъ потребностями, главнымъ образомъ, должна